

Т. И. Колчанова, Москва

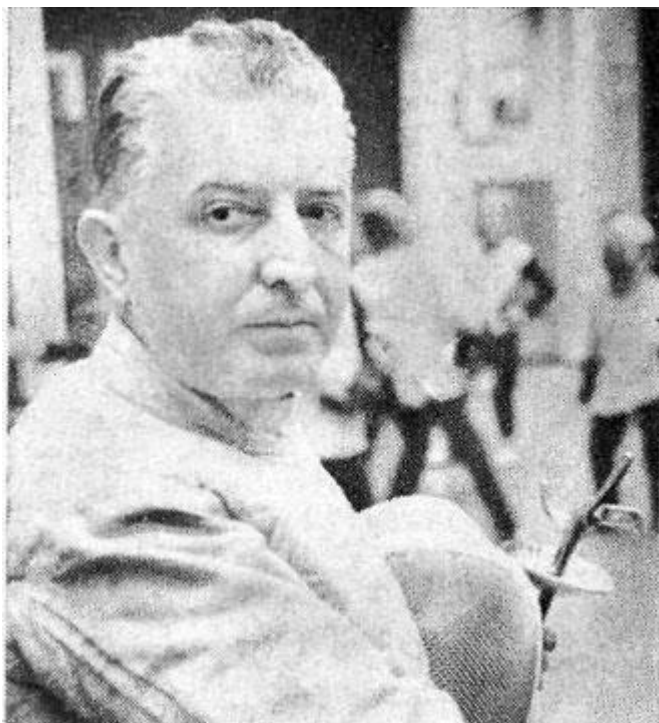
Иван Ильич Манаенко охотно делится своими тренерскими секретами с самой широкой аудиторией. Он часто демонстрирует свое мастерство на всесоюзных, республиканских и ведомственных семинарах, без утайки отвечает на вопросы, указывает на погрешности коллег. Кто-то пытается так же «подавать железку», так же строить тренировки, даже подражать голосу Манаенко, но подготовить такое количество высококлассных спортсменов им не удастся.

Секреты. Секреты.
Секреты...

Московские динамовцы трудятся в трех залах, что вытянулись под трибунами старейшего стадиона столицы. Два из них зовутся прозаично — большой и малый. Третий именуется «греческим». Не помню, кто и когда окрестил так зал, где работает Иван Ильич. Но название приклеилось, прилепилось, срослось с залом, стало домашним, обыденным. И ви-

ной тому не паркетные полы и зеркала во всю стену, такое чудо есть везде, а особый эмоциональный дух творческой лаборатории, из которой выходишь обновленным. Тут рядышком тренируются и новички, и мастера спорта, и чемпионы мира. Последние имеют преимущества, и это тренером постоянно подчеркивается. Остальные же в правах и в отношении к ним тренера уравниваются, и тем и другим еще предстоит проделать путь к мировым вершинам. В «греческом» зале трудолюбие, так же как и желание победить, ставится в особую заслугу. И не всегда мастера преуспевают в этом больше, чем новички. И тогда Иван Ильич не стесняется ставить крошку в пример юноше с обозначившимися усами и хрипотцой в голосе.

Как-то на тренерской учебе, где Манаенко демонстрировал азы фехтовального урока, подтверждая слова упражнениями с новичками.

Заслуженный тренер СССР И. И. Манаенко

кто-то спросил: «Неужели Иван Ильич до сих пор сам работает с нуля». Да, сам. Да, с нуля. Это его кредо.

В последние годы стало чем-то даже не модным для большого маэстро возиться с глиной. Перед ним обычно выстраивают ряд слепков, претендующих в будущем на произведение искусства. Наиболее приглянувшиеся слепки перекачевывают на доработку в мастерские руки. Иногда эти руки придают слепкам «божеский вид», иногда не получается.

Но четырехкратного чемпиона мира по рапире Александра Романькова, фехтовальщика блестящего, самобытного, нашел и воспитал его первый тренер Эрнест Асиевский. Но трехкратную чемпионку мира среди женщин Валентину Сидорову подготовил Виктор Душман, который и в куклы с ней играл, и во взрослой жизни был рядом. Но олимпийских чемпионов в личном зачете Елену Белову, Виктора Ждановича, Григория Крисса к мировым пьедесталам вели также их первые наставники — супруги Бокун, В. Федоров, С. Колчинский.

Если говорить об опыте Ивана Ильича, то «го тренерский успех феноменален. Здесь можно говорить о многих индивидуальностях, раскрывших свой талант благодаря усилиям Манаенко. Это — Л. Сайчук, В. Вдовиченко, А. Рыбин, Ю. Рудов и В. Ильин, Л. Богданов, Л. Романов, Н. Арская...

Скажу лишь о четверых. О саблисте

Я. Рыльском, не уступавшем первую саблю страны никому с 1954 по 1958 г. и одержавшему в пору господства на мировой арене венгров и итальянцев три личных победы в чемпионатах планеты. И трио В. Растворовой, А. Забелиной, Г. Гороховой, которые за 17(!) лет только дважды отдали «золото» на чемпионатах СССР и все эти годы возвращались с олимпиад и мировых чемпионатов с медалями!

Значит, есть в действиях Манаенко резон, и резон немалый. Иван Ильич полагает, что ученик должен пройти у него полный курс обучения, потому что только он может воспитать в ученике необходимые умения, только в его коллективе в атмосфере дружной семьи можно следить за формированием личности. Кто-то скажет — самоуверенность. Уверенность, убежденность — так точнее. Может быть, дома, когда его никто не видит, Иван Ильич и сомневается, но ученики всегда должны знать, что он верит в них, знает о них что-то такое, о чем они и не подозревают.

Сокрушаются: «Такой тренер, а тратит столько сил на поиски талантов, а ведь могут и не попасться». Не могут. Вот уже сорок лет работает Иван Ильич тренером. Ежедневно дает по 6 — 7 уроков. Всегда рядом с ним не менее десятка способных ребяташек. Не пошло у Коли, получится у Маши, не получилось у Маши, не подкачает Саша. За подтверждением этих слов далеко ходить не надо. Сошла великая плеяда учеников Ивана Ильича, он перенес тяжелейшее заболевание, выбившее его на некоторое время из седла. Но вот уже стало известно в табели о рангах новое имя Владимира Авдонина — финалиста молодежного первенства мира.

Были ли ошибки на этом пути? Были. Кто-то уходил, не дождавшись своего часа, кто-то долго терпел, но так и не смог добиться многого в спорте. Иные родители, встречая сегодня тренера, обязательно уколят: «Что же вы говорили — талант, талант, а он так ничего и не выиграл? Лучше бы в математическую школу пошел или языками занялся, ведь шли языки у него». Иван Ильич разводит руками: «Такая наша тренерская доля, без ошибок не бывает. А потом уж что отвечать таким родителям, подставляй шею — виновен, каюсь».

Времена меняются, и определять талантливых становится все труднее. Но Иван Ильич хитрец, мудрец, он и тут свой секрет имеет. Но об этом — чуть позже. Сначала о том, что же изменилось с той поры, когда сам Манаенко был учеником, а не маэстро.

Он пришел в фехтование на втором курсе Харьковского института физкультуры, имея на

груди значки «ГТО» и «Ворошиловский стрелок». А в тридцатые годы, когда ГТО только набирало силу, иметь значок было не только почетно, но и трудно: нужно было хорошо бегать, прыгать, ходить на лыжах, стрелять,

плавать. Спортсмены тех лет могут похвастаться успехами в нескольких видах спорта. Иван Ильич до поступления в институт занимался волейболом, гандболом, настольным теннисом, любил лыжи, велоспорт, все виды легкой атлетики.

Собственный опыт, да и опыт всего поколения, позволил ему сделать вывод, что успешному овладению фехтовальным искусством способствует разносторонняя физическая подготовка, а точнее — разноплановая двигательная активность. Именно такая подготовка обратила внимание тренера Андриевского на Манаенко. Вскоре педагог убедился, что худенький, прыткий юноша обладает и еще одним замечательным качеством — он быстро, «с листа», усваивает сложную фехтовальную технику. Уже на третьем курсе Иван Ильич делился своими умениями с младшими студентами.

Возможен ли сегодня путь в фехтование через предварительную разностороннюю физическую подготовку? Теоретически, да. А практически? Единицы одаренных ребят Иван Ильич отыскивает у себя во дворе, наблюдая за их играми в футбол, хоккей, казаки-разбойники, лапту. Увлекает, заманивает к себе, пока «дикие» занятия спортом не привели их в другие секции. Но основная масса идет через общий набор в школу фехтования. И здесь приходится проявлять немалую изобретательность, дабы не пропустить фехтовальный талант.

Спорт омолодился. Спортивные способности многих ребят дремлют, неразвиты. Уходят в прошлое часовые баталии в тряпичный мяч и эра самодельных турников. Мяч настоящий, кожаный заброшен под кровать, зато не устает мальчишка просматривать множество телепередач. Уроки английского, танцы, всевозможные кружки, ансамбли, клубы, дискотеки вступают сегодня в конкуренцию со спортом. Но даже если выбор сделан, так сказать, со спортивным уклоном, то в первую очередь мальчишки и девчонки бегут записываться в секции фигурного катания, футбола, хоккея, тенниса, гимнастики, а потом уж только, отвергнутые, наудачу стучатся в

и т.п., а в фехтовании — умением предугадать, предчувствовать ситуацию, которая через секунду возникнет на дорожке.

Уже на второе занятие Манаенко, к восторгу новичков, выдает им оружие и разрешает подраться, а на четвертое-пятое — запускает в настоящий бой на электроаппаратуре. Боязнь увидеть лампочку, зажженную в твою сторону, и восторг — от светящейся в сторону противника обостряют бой, при этом выявляются и страх, и упорство, и умение себя перебороть. Короче, таким образом начинает высвечиваться склонность к фехтовальной борьбе. К концу года Иван Ильич уже определяет группу ребят, с которыми имеет смысл работать.

Это вовсе не значит, что весь этот год маэстро отдыхает в кресле в позе стороннего наблюдателя. Он непрерывно дает уроки, одним глазом наблюдая за боями, облакая будущих бойцов в строгую технику, ставя им «школу», которая так сильно отличает учеников Ивана Ильича от остальных ребят.

Основы этой школы идут от его первых педагогов П. Заковорота и В. Андриевского, которые преподавали фехтование надежное, защитное. Шли от простого к сложному, от защит — к атакам, контратакам, а затем уже и к более хитроумным комбинациям.

Правильная постановка движений рук и ног, их согласованности и независимости требует от педагога немалого терпения и изобретательности.

На тренировке у Ивана Ильича не услышишь многократного повторения общеизвестного: «Выпрямляй руку! Подставляй йогу! Толкайся на выпад!»

Для малышей эти команды маловыразительны. Ребята постоянно отвлекаются, попробуй заставить их хотя бы в восьми попытках из десяти делать правильно. У Ивана Ильича и здесь есть хитрость. Он прекрасно оперирует образами. Скажем, девочке, которая никак не может вытянуть до конца руку и сделать перевод, он говорит: «Представь: ты стоишь на таком расстоянии от телевизора, что еле-еле можешь до него дотянуться. А теперь все же дотянись и

секцию фехтования. Я спросила одного молодого тренера, как он отбирает учеников? Он ответил, что берет всех подряд, да и то во все полагающиеся группы набор сделать не удастся. Приходится ходить по школам, дворам — уговаривать.

Иван Ильич тесты при наборе не использует. Ведь они определяют физические качества, и преимущество может получить мальчуган с «дворовой» подготовкой, а вовсе не тот, кто наделен фехтовальным даром. А дар этот заключается не только - в хорошей реакции, трудолюбии, жажде побеждать, но и в том странном качестве, которое в других видах спорта именуется чувством воды, полета

покрути ручку громкости». А мальчишке, безуспешно пытающемуся «выстрелить» на выпаде, Манаенко предлагает другую задачу — одновременно с выпадом вытолкнуть вверх мяч, будто бы лежащий у него на голове. «Редко, — говорит тренер, — образы повторяются. Обычно в каждом конкретном случае я пытаюсь придумать объяснение, которое бы точно соответствовало движению».

Вообще, поражаешься таланту Манаенко объяснять. Этот талант проявляется не только в тренировках. Вот уже много лет Иван Ильич бессменный пропагандист школы фехтования. Семинарские занятия под его руководством проходят всегда интересно. Любой.

даже казалось бы абстрактный, философский вопрос пропагандист умеет связать с сегодняшним днем школы, с тренерской деятельностью: с одной стороны, для того, чтобы лучше усвоить материал, а с другой — для того, чтобы каждый человек смог ощутить себя не просто тренером или спортсменом, а частью чего-то большого — страны, государства. Он тщательно следит за прессой, находя обоснования своим тренерским догадкам в выступлениях как министра сельского хозяйства, так и специалиста в другом виде спорта.

По утверждению Ивана Ильича — учить фехтованию можно самим фехтованием. Некоторые помнят те времена, когда ученики Манаенко были оснащены радиоаппаратурой, и тренер, просматривая боевые ситуации со стороны, подсказывал им, что именно сейчас они должны предпринять. Потом аппаратура сломалась, но Иван Ильич и сейчас успевает направить поединок одновременно нескольких учеников в нужное русло.

По уровню замыслов Манаенко живет в следующем веке. Если бы в его распоряжении были новейшие средства управления тренировочным процессом, о чем он часто мечтает, то период подготовки высококлассного спортсмена можно было бы сократить до минимума.

Пока что приходится рассчитывать только на свои силы и фантазию, чтобы уже сегодня успевать как можно больше вложить умения и информации в мальчишек и девчонок. «Я не настолько молод, — любит повторять Иван Ильич, — чтобы тратить годы на выявление талантов и их воспитание». Потому каждая находка, каждое открытие для тренера — подарок. «Нашел мальчишечку. Так, с виду

Их воспитанники, которые могли бы продолжить традиции, предпочитают заниматься административной или организаторской работой, а не трудиться в нагруднике. Новые тренеры в достаточной мере «школой» не владеют. Результат налицо». Думаю, что в этих словах есть рациональное зерно. Действительно, скажем, в том же московском «Динамо» все благополучно в рапире и шпаге потому, что здесь рядом со своим педагогом трудятся А. Забелина, В. Растворова, А. Зуев, В. Вдовиченко, А. Рыбин.

Тренер понимает, что дело, конечно, не только в технике. Дело еще и в выборе человеческого материала. Была у Ивана Ильича ученица, о которой он вспоминает с сожалением. Здорово двигалась, а рукой такое творила, что ей могла бы позавидовать не одна чемпионка мира. Но — загоралась лишь на мгновения (в астрономическом масштабе, поясняет Манаенко) — на месяц, два, три. Не умела тренироваться с накалом всегда, вкладывать всю себя в каждое движение на каждой тренировке. Так и ушла, разочарованная, даже обиженная, оставив в сердце тренера вопрос — где и когда он не нашел для нее главных слов?

Слышала, как Иван Ильич в дополнение к замечанию коллеги своему ученику — мол, у того бой не складывается из-за неверной постановки руки, сказал: «Да при чем здесь рука? Он душу в укол не вкладывает. Это иллюзии, что можно здесь, в зале, работать вполсилы, а на соревнованиях выйти — и выдать что-то сверхъестественное. Забелина, Растворова и Горохова добились таких выдающихся успехов, потому что на каждой тренировке дрались так, будто разыгрывалась по меньшей мере олимпийская медаль».

ничего особенного. А встал на аппарат — увидел свет фонарика и преобразился в фехтовальщика. Его приводит в восторг эта возможность: атака — шайба — горит сигнал у ворот противника. Еще шайба! Еще!»

Я пишу так много о методах работы И. И. Манаенко, потому что в этом он сам, его жизнь. Его интересы и помыслы. Его находки и потери.

Иван Ильич говорит, что фехтование за последние десятилетия очень изменилось, и тренер обязан эти изменения учитывать. В сабле, считает Манаенко, спортсмены стали больше двигаться, «разбежались» на дальнюю дистанцию, предпочли защитному стилю боя атакующий, менее точны и выражены стали атаки. В женском рапирном фехтовании также утрачены традиционные технические средства. Бой стал более атлетичным, технически упрощенным. И это произошло не под воздействием каких-то объективных изменений (анатомио-физиологических, психологических). Атлетизм — это скорее компенсация недостаточного умения владеть вооруженной рукой. «Уходят старые мастера, — говорит тренер. —

Этому умению, пожалуй, научить сложнее всего. Иногда — невозможно. Но Иван Ильич и здесь ищет свои средства. Не навязчиво, без видимого усилия над учеником, потому что стоит только переждать, и тот замкнется, потеряет вкус к тренировкам. Поэтому он кому-то ставит конкретные задачи, скажем, в бою на 50 уколов пропустить не более 10, а кого-то подзаводит шуткой или похвалой в адрес противника, кому-то говорит теплые слова и гладит по головке.

Я бы могла еще рассказать о том, как стал Иван Ильич тренером. Было это в 1939 г., когда Манаенко призвали в армию и он создал в кавалеристском училище секцию фехтования. Как пришел к нему первый тренерский успех: в мае 1941 г. команда во главе с Иваном Ильичом завоевала первое место на войсковых соревнованиях в Москве, а он сам победил в троеборье — в фехтовании на рапирах, саблях и в стрельбе. В Москве Манаенко война и застала: он возглавил физподготовку полка особого назначения. Обучал чекистов владению штыком и преодолению пре-

пятствий. Уже в 1944 г. участвовал он в первом мирном чемпионате СССР и стал бронзовым призером в фехтовании на рапирах.

В послевоенные годы начал работать тренером в московском «Динамо», преподавал фехтование саблистам, шпажистам, рапиристам и мастерам штыкового боя, продолжал сам выступать рядом с учениками и был сильнейшим рапиристом СССР — в 1950 и 1951 гг. и сильнейшим саблистом — в 1947 г. В 1952 г. представлял советское рапирное и сабельное фехтование на Олимпиаде в Хельсинки и единственный из наших спортсменов пробился в полуфинал.

Может показаться странным — человек объездил весь мир, общался с огромным количеством интересных людей, был свидетелем множества праздников силы, мужества, дружбы и единения, а любит говорить совсем о другом — об обычных тренировочных делах, буднях.

Для Ивана Ильича все остальное — история, дела давно минувших дней, а его тренерская и человеческая суть в ином — в повседневном, неутомимом поиске, в дне завтрашнем, мечты о котором на седьмом десятке лет позволяют ему, как и прежде, быть в строю.